

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ ТАМБОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 82.09.001.8

ШОЛОХОВЕДЕНИЕ МАТЕРИАЛЫ К ЭНЦИКЛОПЕДИИ

© **Лариса Васильевна ПОЛЯКОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, доктор филологических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, член Союза писателей России, e-mail: ruslit09@rambler.ru

© **Наталья Владимировна СОРОКИНА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры
русской и зарубежной литературы, e-mail: sorok_tam@rambler.ru

Коллектив Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, специалисты других научных центров и вузов России завершили работу над «Шолоховской энциклопедией». Она представляет собой первый и уникальный опыт науки о Шолохове в концептуальном энциклопедическом описании жизни и творчества классика русской литературы. Издание труда намечено на середину 2013 г. Для написания фундаментальной статьи «Шолоховедение» были приглашены доктора филологических наук, профессора ТГУ имени Г.Р. Державина Л.В. Полякова и Н.В. Сорокина. В процессе работы над статьей авторы собрали, систематизировали большой материал и изложили свои представления об эволюции отечественного шолоховедения в период 1924–2012 гг. «Вестник Тамбовского университета» предлагает вниманию читателей полный вариант исследования. Начало см. в вып. 1 (117) 2013 г.

Ключевые слова: отечественная школа шолоховедения; систематизация научного знания; периодизация; достижения и открытия; дискуссионные вопросы; задачи и перспективы.

Начало *третьего периода, послевоенного* (1946–1961), в шолоховедении связано с первыми литературно-критическими откликами на публикацию «Науки ненависти» и глав романа «Они сражались за Родину». Яркой была представлена историческая парадигма литературной критики. Одним из первых выступил И. Лежнев со статьей «Шолохов и традиции», обозначив тем самым важность общеметодологического аспекта в науке о творчестве писателя [1]. Это была и одна из первых статей о романе «Они сражались за Родину». Несмотря на своевременность обозначенной тематики, в целом статья И. Лежнева воспринималась резко критически. Он констатировал, что советский народ в Великой Отечественной войне защищал материальные и духовные ценности, «лишь частично созданные нами самими, а в львиной доле сработанные многими предшествующими поколениями». Подобный подход был вос-

принят как «арифметический» в понимании традиции, т. к. критик истоки победы над врагом видел в торжестве «дедовских» устоев исконной Руси. С подобных позиций оценивался взгляд критика и на «Тихий Дон», где, по представлениям автора статьи, в душе казака-середняка происходила борьба двух старинных традиций: «исконного, незамутненного источника казачьей нравственности» и реакционной сословности. Прочитывала литературная критика «ошибки Лежнева» и в трактовке «Поднятой целины»: вместо работы партии и советской власти по массовому вовлечению крестьян в колхозы критик больше апеллировал к проявлению благотворных навыков коллективности и товарищества, которые были выработаны в прошлом общинной жизнью и службой в царской армии, а у казаков вдобавок – их сословно-военной организацией [2].

Литературная критика после войны много писала о вопросах художественного мастерства Шолохова. В. Кирпотин поставил Шолохова в ряд выдающихся пейзажистов мировой литературы. Сравнивая с опытом Л. Толстого, критик писал об особом, «полифоническом» звучании шолоховской природы. Философское содержание пейзажей автора «Тихого Дона» В. Кирпотин понимал по-своему и утверждал, что в отличие от Руссо и Л. Толстого, советский писатель не зовет человека назад к природе, напротив, Шолохов показывает, что «путь ухода от истории в природу – невозможная и кровью оплачиваемая утопия» [3]. В статье Т. Хмельницкой «Реализм Шолохова» акцентирован вопрос о природе трагического в «Тихом Доне», о связи Шолохова с Л. Толстым, у которого Шолохов учился мастерству построения романа-эпопеи, и Гоголем: с ним автора «Тихого Дона» роднит бытовой юмор и патетический лиризм, нашедший выражение в многочисленных авторских отступлениях [4, с. 174]. Однако автор статьи о реализме Шолохова столкнула на страницах своей работы «буржуазную литературу» и литературу «социалистического реализма». Кроме того, Хмельницкая утверждала, что характер народа в целом проявляется в творчестве Шолохова лишь в романе «Они сражались за Родину».

В советской литературной критике к началу 1950-х гг. сформировалась теория «бесконфликтности», а в 1953 г. А.Т. Твардовский опубликовал в «Новом мире» (№ 12) статью В.Н. Померанцева «Об искренности в литературе», и в этих условиях по всем прогнозам и критериям в критике начался тяжелый кризис. В 1954 г. на II съезде писателей в докладе о литературной критике Б. Рюриков подчеркнул важность обращения к реальной действительности и вопросам эстетики, анализу художественного мастерства и мастерства самой критики, а накануне Ф. Абрамов в статье «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» [5] призвал к правдивому изображению действительности. Критика вокруг Шолохова все чаще обретала черты филологии, она развернула существенную *текстологическую* работу.

Как известно, частичные изменения писатель вносил в свои произведения уже в 1930-х – 1940-х гг. Однако особенно серьез-

ной правке он подверг свои романы в 1950-е гг. В 1952 г. вышло новое, исправленное издание «Поднятой целины» [6], в 1953 г. – новое, исправленное издание «Тихого Дона». Это был новый стимул для исследователей, в первую очередь текстологов. В новый текст «Поднятой целины» внесено около 1200 исправлений. Как свидетельствует И. Лежнев, правка «Поднятой целины» шла по нескольким основным направлениям: уточнялись характеристики социальных типов романа; устранялись и перерабатывались отдельные натуралистические описания, изымались бранные слова; большая работа была проделана по замене диалектных слов общеупотребительными. «Если 20 лет назад он (Шолохов) заканчивал свою статью «За честную работу писателя и критика» пожеланием советской литературе: чтобы 95 слов были отличными, а остальные 5 хорошими, то, исправляя «Поднятую целину», он стремился сократить и этот пятипроцентный «допуск» до нуля», – писал Лежнев в статье «За чистоту языка (Новая редакция «Поднятой целины»)» [8, с. 158]. Очень внимательно И. Лежнев подошел к изучению авторской правки «Тихого Дона». Критик акцентировал внимание на том, что роман создавался на протяжении более чем четырнадцати лет, и, естественно, это не могло не сказаться на качестве отдельных частей произведения. Необходимо было, по словам Лежнева, «достигнуть больше стилистического единства романа, подтянув первые части, написанные еще в двадцатые годы и лишь частично исправленные в следующие годы, до качественного уровня последней, наиболее зрелой и художественно совершенной книги – четвертой» [8, с. 164]. В новой редакции романа уточнялись характеристики действующих исторических лиц (Подтелкова, Кривошлыкова и представителей Белой гвардии), устранялись некоторые фактические неточности. Лежнев обратил внимание на правку писателем текста при создании образа Бунчука. Об авторских исправлениях «Тихого Дона» писали в своих статьях Л. Якименко, В. Закруткин, З. Удонова [9–11]. В процессе подготовки к изданию восьмитомного собрания сочинений (1956–1960) под редакцией К.В. Потапова Шолохов восстановил многие диалектные слова и целые сцены, исключенные в издании 1953 г.

После войны появились первые объемные монографические исследования о Шолохове. Значительно расширенная монография И. Лежнева «Михаил Шолохов. Критико-биографический очерк» (1948), ставшая итогом многолетней работы критика в области шолоховедения, была воспринята читателями по-разному, однако критические высказывания были многочисленными и закономерными [12; 13]; в Союзе писателей СССР состоялось обсуждение книги. Лежнев, пожалуй, впервые дал развернутую характеристику творческого пути писателя, ввел новые материалы. Однако эта монография во многом была данью исследователя социологическому методу в литературоведении в его вульгарном толковании. С интересом читалась книга Ю. Лукина «Михаил Шолохов. Критико-биографический очерк» (1952). Не умаляя структурно-художественной роли Григория в романе, Лукин предложил считать главным героем народ, что, по его словам, и способствовало превращению романа в эпопею. Критик уходил от теории «бесконфликтности» (см.: [14; 15]).

Заметными в критике тех лет были работы В. Гуры и особенно его статья «М.А. Шолохов в работе над «Тихим Доном»» [16], где осуществлена первая попытка проследить историю создания этого романа, изучить пути возникновения и развития замысла художника, освоения исторических материалов и особенностей работы над образами центральных героев. Творческой истории «Тихого Дона» посвящена и одноименная статья В.А. Апухтиной «Из творческой истории романа М. Шолохова «Тихий Дон»». Интересна полемика этого автора с И. Лежневым, который вторую книгу «Тихого Дона» считал композиционно рыхлой, распадающейся на отдельные новеллы. Критика послевоенных лет начинала серьезно разрабатывать вопрос о прототипах шолоховских героев [17; 18]. Оригинальны работы Я.Р. Кошелева с постановкой конкретной структурно-поэтической проблематики: «Внутренний монолог в романе Шолохова «Поднятая целина», «Портрет в романах М. Шолохова», «Пословицы и поговорки в творчестве М. Шолохова», «Некоторые особенности использования эпистолярной формы в романах М. Шолохова».

В послевоенное время большой резонанс получила публицистическая деятельность

писателя. В 1951 г. Ростовское областное издательство выпустило в свет сборник статей Шолохова «Слово о Родине», в предисловии к которому А. Костановым была осуществлена одна из самых первых попыток охарактеризовать особенности публицистики писателя. В 1955 г. Шолохов обратился к мировой общественности с предложением создать «круглый стол» писателей мира [19, с. 3]. В откликах зарубежных писателей содержались оценки Шолохова как крупнейшего писателя современности.

В 1954 г. на страницах «Правды», «Огонька» и «Октября» Шолохов начал публикацию глав второй книги «Поднятой целины», на что сразу в целом положительно отреагировали А. Тарасенков, В. Овечкин.

В 1950-е гг., кроме «Семинария» Ф. Абрамова и В. Гуры, предпринимались первые серьезные библиографические разыскания о Шолохове, вышли справочники [20; 21], совершенствовались литературоведческие концепции в монографиях о писателе. В объемной монографии Л. Якименко «Тихий Дон» М. Шолохова. О мастерстве писателя» (1954) исследовался жанр «Тихого Дона» как народно-героической эпопеи. Позиция критика формулировалась в пользу жанра оптимистической трагедии.

В 1955 г. широко отмечалось 50-летие Шолохова, а в 1956 г. издательство «Молодая гвардия» (приложение к журналу «Молодой колхозник») приступило к изданию первого собрания сочинений писателя в семи томах (был издан восьмой дополнительный том), Гослитиздат предпринял издание сочинений в восьми томах, предполагая включить в него и вторую книгу «Поднятой целины».

Восторженную реакцию читателей и специалистов вызвала публикация рассказа «Судьба человека». Жизнелюбие и оптимизм, как отмечала «Литературная газета», принципиально отличали шолоховский рассказ от произведений Ремарка, Стейнбека и Хемингуэя, герои которых оказывались в сходных ситуациях с героем Шолохова, но имели противоположную судьбу. Е. Пермитин так и назвал свой отклик о рассказе «Русский характер», где Соколов трактовался как воплощение судьбы целого народа. Именно в это время, в 1957 г., в беседе с В. Крупиным М. Шолохов подчеркнул как бы в науку критикам, утверждавшим отце-

пенческий окрас образа Григория Мелехова: «Я хотел рассказать об этом очаровании человека в Григории Мелехове, но мне до конца не удалось. Может быть, удастся в романе о тех, кто сражался за Родину» (см.: [22]). Именно так понял Мелехова Н. Оцуп и защищал Шолохова от отечественных критиков. Он писал: «История – не статистика побед и поражений. Она знает бесчисленные примеры побежденных победителей. Мелехов прежде всего носитель простого человеческого чувства. Трагедия его и Аксиньи (а значит, и Натальи) не только выходит за пределы социального конфликта, но и дорастает до смысла трагедии вообще... Тема Шолохова подошла бы Софоклу и Еврипиду», в Мелехове и Аксинье слышится «какой-то неповторимый голос личной судьбы, личной трагедии и страсти» их создателя, сообщающих «вымыслу ту жизненную правду, без которой читатель не почувствует волнения, не будет сострадать, останется таким же после чтения книги, каким он был до нее» [23, с. 141-142]. С.И. Кормилов уже в наши дни справедливо утверждает, что, начиная с шолоховской «Судьбы человека» и рассказов Ю. Казакова, «качественно меняется концепция личности, в ней резко усиливается этический момент и общечеловеческое начало» [24, с. 45]. В многочисленных рецензиях рассказ оценивался как выдающееся явление советской литературы. Публикация и обсуждение «Судьбы человека» имели столь значительное воздействие на литературную критику, что вдумчивые авторы работ о Шолохове ко второй половине 1950-х гг. решительно пересмотрели свои подходы, как это получилось у М. Чарного. Включая статьи о прозе Шолохова в свою новую книгу «Литература и жизнь» (1957), он не только основательно пересмотрел их, но и в значительной мере дополнил суждениями, прямо противоположными его прежним взглядам.

Литературная критика констатировала расцвет творческих сил Шолохова и ожидала появления второй книги «Поднятая целина», а также продолжения работы по завершению романа «Они сражались за Родину». Писатель все активнее приобщался к общественной и государственной работе. Его выступления на Втором съезде писателей и XX съезде КПСС широко обсуждались. В печати все чаще появлялись публикации с оценками личности и

профессионального мастерства Шолохова. В 1958 г., уже после смерти автора, вышла книга И. Лежнева «Путь Шолохова. Творческая биография». Критика писала о том, что в издании «вырисовывается облик Шолохова-мыслителя, общественного деятеля, человека. В глубоком изучении действительности, в сопоставлении художественных фактов с фактами жизни искал покойный исследователь ключ к пониманию творческих принципов писателя». Вместе с тем критика отмечала и факт преодоления автором конкретных недостатков ранней его монографии «Михаил Шолохов. Критико-биографический очерк».

В этот период развернулась *новая дискуссия* о «Тихом Доне» и главным образом опять о судьбе Григория Мелехова. Большое внимание привлекли работы А.Ф. Бритикова. В 1957 г. появилась его статья «Образ Григория Мелехова в идейно-художественной концепции «Тихого Дона», а в 1958 г. на страницах «Вопросов литературы» (№ 12. С. 38-69) началась дискуссия о романе. Свои оценки высказали Л. Якименко (О трагическом в «Тихом Доне» М. Шолохова), Н. Маслин (Трагедия или эпос?), Н. Драгомирецкая (Концепция исторического заблуждения и социалистический гуманизм). В. Щербина на страницах газеты «Литература и жизнь» (1959. 11 марта. С. 2) выступил со статьей «Судьба человеческая – судьба народная». Резкие возражения были высказаны и по поводу статьи А.Ф. Бритикова «Григорий Мелехов и Аксинья Астахова» [25].

В дискуссии с интересом читалась статья В.В. Петелина «Два Григория Мелехова» [26]. Автор трактовал образ в качестве положительного, в то время как, по его словам, исследователи с помощью филологической «обработки» романного текста создали другой, отрицательный. В эти же годы опубликованы и другие статьи В. Петелина [27–29]. Эти работы исследователя о «Тихом Доне» и «Поднятой целине» стали основой кандидатской диссертации В. Петелина «Человек и народ в романах М.А. Шолохова», защищенной в 1961 г. и по сути вместе с публикацией второй книги «Поднятой целины», открывшей новый, *четвертый*, период отечественного шолоховедения (1961 г. – начало 1980-х гг.). Уже в 2004 г. Н.Д. Котовчихина в монографии «Эпическая проза М.А. Шолохова в русском литературном процессе XX века» свою

концепцию эпического в прозе Шолохова выстроит с учетом многочисленных работ Петелина тех лет.

Шолохов продолжал работать над романом «Они сражались за Родину», главы произведения, печатавшиеся на страницах газет с 1943 г., были собраны и в наиболее полном виде опубликованы в январской книжке журнала «Москва» за 1959 г. Сразу же положительно об этой публикации отзывались журнал «Звезда», газеты «Известия», «Красная звезда» и др. Послевоенный период в шолоховедении обозначен большими достижениями. Обсуждение монографий о Шолохове проходило столь же активно, как обсуждение «Тихого Дона» перед войной. Не только для послевоенных работ Лежнева и Лукина, а в целом для литературоведения, в т. ч. шолоховедения, был характерен один общий недостаток – слабый анализ художественного текста произведений. Для его преодоления следовало усовершенствовать методологию исследования, разработать теоретические аспекты истории литературы, создать мощную философскую и контекстуальную базу. Но это начнет происходить лишь в 1990-е гг. и в полной мере – в последний период движения науки о творчестве Шолохова.

В период 1961 г. – начало 1980-х гг. внимание литературной критики в целом было сосредоточено на изучении ведущих тенденций литературного процесса. Актуальной и востребованной оставалась тема Великой Отечественной войны. Одной из ведущих стала проблема нравственного выбора, появлялись произведения и литературно-критические работы с «выбором» в названии. Особенно результативно этот дискурс художественно реализовывался в теме памяти. В качестве одного из ведущих обозначилось направление «деревенской прозы», ярко заявившее о себе еще в 1950-е гг. Проза Шолохова с ее «очарованием человека» и интересом к его судьбе оказалась в этот период особенно востребованной. Один из векторов проблемы шолоховских традиций, в «деревенской прозе», разработан Ю.А. Дворяшиным в его монографии «Шолохов и русская литературная классика второй половины XX века» (2008): в поле зрения исследователя проза Абрамова, Залыгина, Белова, Шукшина, Распутина. Автор монографии пишет:

«Среди нерешенных проблем, которые стоят перед современным литературоведением, отчетливо выделяется проблема постижения природы воздействия, которое оказали на развитие литературного процесса художественные открытия М.А. Шолохова» [30, с. 40].

В эти годы расширилась проблематика и углубилась разработка предшествующих направлений в шолоховедении. Продолжали защищаться кандидатские, появились первые докторские диссертации: А.И. Хватов «Творчество М.А. Шолохова» (1965), Е.П. Дрягин «Шолохов и советская многонациональная проза» (1967). Значительно возрастал интерес к творчеству Шолохова в советских республиках, особенно активно в Узбекистане. О мастерстве Шолохова с захватывающим интересом читаются работы М.И. Сойфера «Мастерство Шолохова», «Очерки» и другие его многочисленные труды. Именно в Ташкенте защищена диссертация В. Ли «Социалистический реализм в корейской литературе. (Влияние М. Шолохова на творчество корейских писателей)» (1971). В 1969 г. защищается диссертация С. Саламова «Некоторые вопросы передачи стиля М. Шолохова в переводе на узбекский язык» (Самарканд, 1969), а в 1970 г. – А.С. Панкратьевой «Цветовые прилагательные романа М. Шолохова «Тихий Дон». (С приложением раздела «Некоторые особенности перевода цветообозначений романа на узбекский язык»)» (Ташкент, 1970). М.Д. Кокта, ярко писавший в предшествующие годы о публицистике писателя, защитил кандидатскую диссертацию «Публицистика Михаила Шолохова: (Некоторые вопросы мастерства)» (Киев, 1961). Писались первые кандидатские диссертации о переводах шолоховской прозы на другие языки мира: П.В. Табахьян «Воссоздание национального своеобразия подлинника в переводе. (На материале перевода на немецкий язык романа М. Шолохова «Тихий Дон»)» (Л., 1963); С.Е. Иванова «Восприятие творчества М.А. Шолохова в Латвии» (Рига, 1971); З. Тухарели «Некоторые вопросы художественного перевода. (На материале переводов произведений М. Горького и М. Шолохова на грузинский язык)» (Тбилиси, 1972). Именно в 1960-е гг. появились оригинальные диссертации о языке Шолохова, например: А.М. Лятина «Опыт статисти-

ческого анализа языка писателя. (По материалам «Частотного» словаря «Поднятой целины» М.А. Шолохова)» (Л., 1968).

В 1964 г. вышла многопроблемная монография Л.Г. Якименко «Творчество М.А. Шолохова. Идеи и образы. Творческий метод, жанры, стиль, мастерство, поэтика» (М., 1964). В объемном труде известного защитника концепции «отщепенства» Мелехова и определения «Судьбы человека» как «рассказа-эпопеи» объединены многочисленные материалы исследователя, начиная с 1950-х гг. Юбилейный для писателя год отмечен не только докторской диссертацией А.И. Хватова, но и солидными монографиями. В.М. Литвинов в книге «Трагедия Григория Мелехова («Тихий Дон» М. Шолохова)» (М., 1965) (через год выйдет 2-е издание) подводит итоги многолетней дискуссии о романе, формулирует свой взгляд на судьбу героя с мировой известностью. В новой монографии В.В. Петелина «Гуманизм Шолохова» (М., 1965) предложен анализ образной системы «Тихого Дона», «Поднятой целины» и «Они сражались за Родину».

Середина 1960-х гг. ознаменована новой довольно острой *дискуссией*. В 1968 г. на страницах «Русской литературы» в рубрике «Полемика» появилась объемная статья А.Ф. Бритикова «Старое и новое в трактовке трагедии Григория Мелехова» [31], где автор анализировал две концепции образа Мелехова, «концепцию заблуждения», основанную на явлении трагического (по Емельянову) и вновь обнаруженную и названную Бритиковым «*концепцией сочувствия*» (Бирюков, Хватов, Ершов). В этой обстоятельной работе, кроме собственной четко сформулированной позиции, в какой-то степени развивающей емельяновскую концепцию «всемирно-исторического заблуждения» и поверхностно, прямолинейно прочитанной оценки сторонников «новой точки зрения» («Дело прежде всего в том, что Бирюков и Хватов с Ершовым рассматривают образ Григория локально. Вопрос о соотносительности Григория с народом занимает их очень мало. Шолохов же ощущает в судьбе своего героя судьбу братьев по несчастью. Для Бирюкова трагизм замкнут личными обстоятельствами и оттого упирается в безысходность биографии» [31, с. 141]), изложены главные конфронтрующие позиции исследователей

творчества Шолохова. Автор подводил итоги многолетней дискуссии о концептуальном литературном герое, закладывал базу для последующих обсуждений. Работа расставляет многие точки над *i* и обнаруживает проблемные ситуации в концепции самого Бритикова. Он отталкивался от полемических замечаний Ф. Бирюкова (Новый мир. 1965. № 5), поддержал критику этим шолоховедом работ И. Лежнева и Л. Якименко за их «социологическое толкование фигуры Григория Мелехова», говорил о единой позиции Ф. Бирюкова, А. Хватова, Л.Ф. Ершова [32; 33], назвал их подходы «новой точкой зрения», которая заключалась в попытке выдвинуть на первый план общечеловеческие критерии трагедии Мелехова, мало принимавшиеся в расчет прежними исследователями. «Но что сторонники новой точки зрения впали здесь в другую крайность – затушевывали критерий социально-исторический, – писал Бритиков, – это заставляет предвидеть длительный разговор. Новый подход, который мог бы и в конце концов, я думаю, обогатить наше понимание трагедийности «Тихого Дона», оказался пока что не менее упрощенным, чем старый социальный схематизм, против которого восстали Бирюков, Хватов и Ершов» [31, с. 131].

Автор статьи «Старое и новое в трактовке трагедии Григория Мелехова» ссылался на статью Емельянова «О «Тихом Доне» и его критиках», с которой полемизировали Бирюков, Хватов, Ершов. Разделяя вывод Хватова о том, что «Тихий Дон» «надо рассматривать не только как памятник эпохи гражданской войны, но и как произведение 30-х годов», когда победы социализма «были осложнены и омрачены... нарушениями... норм, принципов, традиций и заветов, вытекающих из самой природы социалистической революции» [32, с. 32], Бритиков обильно цитировал Емельянова, в то время как Шолохов говорил В. Кручину об «очаровании человека в Григории Мелехове». В связи с этим шолоховским высказыванием еще через сорок восемь лет Ю.А. Дворяшин напишет: «Всем своим очарованием образный мир Шолохова объективно противостоял официальной идеологической установке, имеющей целью опорочить отечественные национальные ценности, в особенности, принизить и очернить их носителя – русского человека. Вопреки этим устремлениям Шолохов как

художник решал иную задачу, он постигал в соотечественнике, в его чувствах, суждениях и поступках те качества, которые составляли красоту и силу его характера» [34, с. 213]. А тогда, в 1967 г., Л. Ершов, поддерживая пафос критической оценки Бритиковым концепции «отщепенства», убедительно доказывал слабость в целом как той, так и другой концепции [33, с. 283].

В целом спор Бритикова с Бирюковым по обозначенным фактам интересен, особенно по историографической проблематике, в частности, об обстоятельствах Верхнедонского восстания, однако этот вектор полемики не только не прояснял бритиковскую концепцию образа Григория Мелехова, а еще более ее запутывал. Впрочем, эта полемика – яркий портрет литературной критики не только, скажем, 1950-х – 1960-х гг., но и, пожалуй, всего советского периода: диспутанты защищали учение о социализме, а проза Шолохова продолжала жить своей собственной жизнью.

На общую атмосферу литературной жизни 1970-х гг. деморализующее воздействие оказало издание с предисловием А.И. Солженицына «Стремя «Тихого Дона»: (Загадки романа)», оставшееся в истории русской культуры фактом беспрецедентного исторического навета. В 1975 г. Шолохов перенес первый инсульт, а шолоховеды посчитали своим долгом еще раз выйти со своими научными оценками и концепциями к широкому читателю. Срочно были переизданы дополнительные тиражами некоторые монографические труды [35–38].

Ф.Г. Бирюков защитил докторскую диссертацию «Народность и историзм Шолохова» (Л., 1975), издал монографию «Художественные открытия Михаила Шолохова» (М., 1976), а в 1980 г. вышло новое ее издание. Исходя из основного оценочного постулата «Шолохов – великий новатор» (М., 1980), автор свое исследование выстроил по тематическому принципу. Монография включает три объемные главы: «Крестьяне в эпосе Шолохова», «Три войны» и «Художник. Стилист». Особо следует сказать о третьей главе, она содержит чрезвычайно интересные наблюдения, порой неожиданные для читателя, характеризующие художественное мастерство Шолохова. Например, многое из того, о чем будет писать Н.М. Муравьева в

2000-х гг. в докторской диссертации и в монографии «Проза М.А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика» (Борисоглебск, 2007), замечено Бирюковым: тонкость зрительных восприятий, цвета, запаха, многокрасочность флоры и фауны, все, что передавало впечатления «хранителя земли», влюбленного в лес, поле, деревенские зори и в радостный мир земного бытия, все, что определяло извечные свойства народного сознания – восторг перед красотой.

В изданиях книги А.И. Хватова, сторонника концепции «очарования человека», «сочувствия», по убедительности характеристик, сравнительной методологии, тонкости анализа художественного мастерства Шолохова особенно выделяется глава «Человек и история» о рассказе «Судьба человека». Автору монографии, исследователю-почвеннику принципиально важно подчеркнуть, что Шолохов, исследуя истоки характера героя, верен традиции русской литературы, пафос которой составляли любовь к русскому человеку, восхищение им, и особенно внимателен к тем проявлениям его души, которые связаны с национальной почвой. Анализ Хватова интересен сопоставлением образа Соколова с героями Хемингуэя и Ремарка, Белля и Борхерта, Сарояна и Лану, Декса и И. Шоу. Особенно подробен и интересен анализ «Судьбы человека» и рассказа Хемингуэя «Старик и море» (М., 1975). Представляет ценность и главка «В зарубежном мире» о всемирном признании творчества Шолохова, в которой с опорой в основном на книгу К.И. Приймы «Тихий Дон» сражается достаточно подробно освещены вопросы перевода произведений русского писателя на языки мира, его творческие контакты с зарубежными писателями.

В 1980 г. вышла и монография В.В. Гуры «Как создавался «Тихий Дон». Творческая история романа М. Шолохова» (М., 1980), в которой обобщена многолетняя работа известного шолоховеда, библиографа. В предисловии «От автора» В.В. Гура цитировал Ю. Лукина, редактора романа и одного из первых его критиков – «Творческая история романа «Тихий Дон» – это путь неуклонного и упорного совершенствования писательского мастерства» [39] и заключал: «Опираясь на весь накопленный за долгие годы материал, на сохранившиеся рукописи романа, его

печатные редакции, автор книги стремится проникнуть в лабораторию писателя со всеми ее творческими принципами и особенностями работы над романом, вскрыть замыслы художника, их эволюцию в процессе реализации в художественных образах».

Продолжение в следующем номере.

1. *Лежнев И.* Шолохов и традиции // Новый мир. 1946. № 7-8. С. 191-210.
2. *Ермилов В.* О ложном понимании традиций // Правда. 1946. 24 окт.
3. *Кирпотин В.* Тема природы в «Тихом Доне» // Октябрь. 1946. № 12. С. 174-187.
4. *Хмельницкая Т.* Реализм Шолохова // Звезда. 1948. № 12.
5. *Абрамов Ф.* Люди колхозной деревни в послевоенной прозе // Новый мир. 1954. № 4.
6. *Шолохов М.А.* Поднятая целина. М., 1952.
7. *Шолохов М.* Тихий Дон. Роман: в 4 т. / послесловие К. Потапова. М., 1953.
8. *Лежнев И.* За чистоту языка (Новая редакция «Поднятой целины») // Звезда. 1953. № 6.
9. *Якименко Л.* Новое издание «Тихого Дона» // Литературная газета. 1954. 10 авг. С. 3-4.
10. *Закруткин В.* О неувыдаемом. К выходу нового, исправленного издания «Тихого Дона» // Огонек. 1954. № 42. С. 17-18.
11. *Удонова З.* Взыскательность художника // Знамя. 1954. № 12. С. 207-211.
12. *Серман И.* Шолохов и его критик // Звезда. 1948. № 12.
13. *Кузнецов М.* В плену идеалистической схемы // Октябрь. 1948. № 12.
14. *Ковалев В.* Михаил Шолохов // Советская книга. 1952. № 12.
15. *Рождественская И.* Новые книги о советских писателях // Звезда. 1952. № 12.
16. *Гура В. М.А.* Шолохов в работе над «Тихим Доном» // Литературный Саратов. 1950. Кн. 11.
17. *Лежнев И.* О прототипах героев «Поднятой целины» // Нева. 1955. № 2.
18. *Прийма К.* Шолохов в Вешках // Советский Казахстан. 1955. № 5.
19. *Шолохов М.* В редакцию журнала «Иностранная литература» // Иностранная литература. 1955. 15 дек.
20. *Гура В.В.* Михаил Александрович Шолохов. Библиографический справочник. Саратов, 1950.
21. Михаил Шолохов. Краткий справочник / сост. К. Муратова. Л., 1950.
22. *Крупин В.* В гостях у Шолохова // Советская Россия. 1957. 25 авг.
23. *Оцун Н. М.А.* Шолохов // Грани. 1956. № 30.
24. История русской литературы XX века (20–90-е гг.). Основные имена / отв. ред. С.И. Кормилов. М., 1998.
25. *Бритиков А.Ф.* Григорий Мелехов и Аксинья Астахова // Русская литература. 1958. № 4. С. 123-138.
26. *Петелин В.В.* Два Григория Мелехова // Филологические науки. 1958. № 4. С. 124-138.
27. *Петелин В.В.* Народ в «Поднятой целине» // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. 1958. № 1. С. 61-95.
28. *Петелин В.В.* Коммунист Семен Давыдов. М., 1960. № 4. С. 168-192.
29. *Петелин В.В.* О принципах изображения человека в «Поднятой целине» Шолохова // Филологические науки. 1961. № 1.
30. *Дворяшин Ю.А.* Шолохов и русская литературная классика второй половины XX века: монография. М., 2008.
31. *Бритиков А.Ф.* Старое и новое в трактовке трагедии Григория Мелехова // Русская литература. 1968. № 4.
32. *Хватов А.И.* Образ Григория Мелехова и концепция романа «Тихий Дон» // Русская литература. 1965. № 2.
33. *Еришов Л.Ф.* Русский советский роман. (Национальные традиции и новаторство). Л., 1967.
34. *Дворяшин Ю.А.* М. Шолохов: грани судьбы и творчества. М., 2005.
35. *Хватов А.И.* На стрелке века. (Художественный мир Шолохова). М., 1975.
36. *Хватов А.И.* Художественный мир Шолохова. М., 1978.
37. *Якименко Л.Г.* Творчество М.А. Шолохова. М., 1977.
38. *Прийма К.И.* «Тихий Дон» сражается / предисл. В.А. Архипова. М., 1975.
39. *Лукин Ю.Б.* О творческом пути Михаила Шолохова // Знамя. 1948. № 8.

Поступила в редакцию 12.11.2012 г.

UDC 82.09.001.8

SHOLOKHOV STUDY. MATERIALS TO ENCYCLOPEDIA

Larisa Vasilyevna POLYAKOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of RF, Member of Russian Writers Union, e-mail: ruslit09@rambler.ru

Natalia Vladimirovna SOROKINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature Department, e-mail: sorok_tam@rambler.ru

The workers of World Literature Institute named after A.M. Gorkiy RAS and scientists of other centers and Universities completed the of “Sholokhov encyclopedia”. It presented itself the first and unique experience of science about Sholokhov in conceptual encyclopedic description of life and work scientist of Russian literature. The publication of the work will be in the middle of 2013. For the fundamental article “Sholokhov study” writing the Doctors of Philology, Professors of TSU named after G.R. Derzhavin L.V. Polyakova and N.V. Sorokina were invited. During the work the authors collected, systemized a huge material and explained the presentations about evolution of home Sholokhov study during 1924–2012. “Tambov University Review” offers to the readers the whole variant of the research. First article is in Issue 1 (117) 2013.

Key words: home school of Sholokhov study; systematization of scientific knowledge; periodization; achievements and discoveries; discussion questions; tasks and perspectives.